

Андрей Милос

РУССКИЙ
ПЯТИСТАТЫННИК

Андрей Милов

Русский пятистатейник

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Милов А.

Русский пятистатейник / А. Милов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

30 000 лет – это историческая глубина залегания корней, где обнаруживается Первослово наше, дающее начало стволу ветви, на одной из развилок которой свил себе культурное гнездо русский мир. Все народы и языки равно древние, ибо берут начало от праотца и праматери. Поэтому прежде, чем отвечать на коренные вопросы истории, надо изучить язык того народа, корни которого вы вознамерились познавать, и тогда ответы на вечные вопросы не заставят себя ждать. Это исследование будет интересно не только специалистам, но и всем, кто не равнодушен к своему прошлому. В исследовании применены научные фильтры, доступные широкому кругу образованных людей.

© Милов А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Норманизм и скандинавокреационизм	6
Исходные понятия	6
Зачатие Руси по-скандинавски	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Учителям моим, преподавателям Университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы, заронившим зерно осознания языка человеческого как живого организма, естественным образом развивающегося во времени и пространстве, – посвящаю это историко-этимологическое исследование. Низжайший поклон: Геннадию Прокопьевичу Мельникову (системная лингвистика), Екатерине Ивановне Фетисовой (славяноведение), Лидии Яковлевне Усачёвой (история русского языка).

Норманизм и скандинавокреативизм

Исходные понятия

История. Из «Истории Российской» – Татищев, Василий Никитич: «Исторія есть слово Греческое, то самое значить, что у насъ дѣи или дѣянїя... Исторія не что иное есть, какъ воспоминовеніе бывшихъ дѣянїй и приключенїй добрыхъ и злыхъ, потому все то, что мы предъ давнымъ или недавнымъ временемъ чрезъ слышаніе, видѣніе, или ощущеніе искусились и вспоминаемъ, есть сущая Исторія... дѣла древнїя иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали».

В наши дни, с точки зрения пытливого ума, история должна восприниматься как достоверный рассказ о том, что есть было. Да-да, именно так можно перевести грамматически утраченное перфектное время в смысловое русло. И безусловно – триединый образ в сознании: бывшее время, бывшее место и бывшее действие, в результате сочетания коих живу Я, а не кто-либо другой вместо меня – здесь, сейчас и в данных историей обстоятельствах, обусловленных местом и временем произошедших событий.

Достоверная история. Великая сила слова – и власть образа! Нас впечатляет мастерство рассказчика, его искренность, непредвзятость, и мы уже верим, что знаем. Как проводник слепого, вера лишает учёный ум разума, но дарит надежду. Какая может быть связь между верой и знанием, между идеологией и наукой, между убеждениями и реальностью?! В конце концов, чем отличается научная реальность от реальной действительности?

Говорят, что история – это то, что нам рассказали. И с этим утверждением трудно спорить, ибо труд учёного-историка во многом сводится к сведению воедино письменных свидетельств современников исторических событий и критическому переосмыслению трудов своих предшественников по научной стезе, с оглядкой, разумеется, на своих коллег. Разумеется, важна к тому же опора на археологические данные, законы развития языков, анализы генетиков, этнография, историческая география, геология и прочая, прочая, прочая. Таким образом, в основу исторического рассказа должно быть положено научное исследование (исключающее либо объясняющее противоречия) как доказательный стержень, в противном случае перед нами не научный труд, а художественное сочинение, пускай и пестрят его страницы цитатами корифеев. Увы, исследования обычно скучны, порой занудливы и, как правило, непонятны любителям живых исторических рассказов. Однако выдернул стержень – и рассказы рассыпались, словно листы книги без переплёта.

Авторитетность источника знаний. Как известно, один из основополагающих научных принципов – авторитетность источника знаний. Один из... однако далеко не единственный, да и не самый важный, ибо нет во всей истории ни одного авторитета в законе, который был бы выше сущей Истории. Ежели принимаешь на веру рассказы всех корифеев от исторической науки, то невольно приходишь к выводу: нас сформировало не прошлое, а мы сами формируем своё прошлое – в виде отличных друг от друга достоверных историй. А ежели предметом истории сделать историю самих исторических рассказов, то результатом подобного исследования станет непреложный факт: история – это идеология, обращённая в прошлое. История есть была служанка сильных мира сего – всегда: так было, так есть и так будет, ибо тот, кто завладел душой и мыслью, тот и поводь, за которым следуют слепцы.

Версия – это гипотеза, основанная на научных данных, а ежели опорные данные далеки от научных методов познания, тогда перед нами не гипотеза, а аксиома, то есть утверждение, которое не требует доказательств. Ну а в душе человека верующего, с пониженным критическим мышлением, аксиома превращается в догму, наука – в религию, историк – в фанатика веры. Вы ему: Земля вертится вокруг Солнца, а он вам в ответ: да, с наукой, дескать, не поспоришь, а засим норманны под именем «варягов» цивилизовали дикие славянские племена. Полная абулия! Стало быть, прежде чем записываться в adeпты той или иной версии происхождения Руси, надо отдавать себе отчёт: ежели загрузить машину времени той самой достоверной историей и отправить доверчивого путешественника во времени назад в прошлое, то поиск соответствующих убеждениям обстоятельств приведёт совершенно в иное место, да и не обязательно в то самое время; а ежели на обратном пути к тому же включить сослагательное наклонение, то при возвращении блудного путешественника во времени назад, то есть в настоящее, вдруг обнаружится, что Я уже не Я, не здесь, не сейчас, да и всё уже не так, как было при отправке в путешествие.

Теория. Греческое слово θεωρία переводится на русский язык как исследование, а автора теории обычно называют теоретиком... – да-да, именно он и есть тот самый авторитетный источник знаний, корифей, производитель академической мысли, на которого принято ссылаться рассказчикам занимательных и достоверных историй.

Норманнская теория – определение двусмысленное: с одной стороны – кто автор, а с другой – суть-то в чём? Где доказательства, в конце концов?!

Авторство норманнской теории. Одним из наиболее знаменитых и авторитетных европейских предшественников норманнской теории является величайший немецкий учёный и изобретатель Лейбниц, Готфрид Вильгельм (Gottfried Wilhelm von Leibniz), – первый президент Берлинской Академии наук, иностранный член Французской Академии наук, член Лондонского королевского общества. Его пытливый ум охватывал едва ли не все области научного познания конца XVII – начала XVIII веков. Хватит пальцев на руке, чтобы перечислить все базовые достижения мировой науки, к которым он не приложил свою руку. Пытливый ум гения не миновали и загадки языкознания: его теория исторического происхождения языков и их генеалогическая классификация легли в основу сравнительного метода познания в лингвистике. А также немало занимала его и историческая проблематика: он сформулировал задачу, по каким критериям определять происхождение народов, рассматривал этногенез как процесс формирования языка (к такой высоте понимания современная наука только-только подбирается). Лейбниц развенчал библейский взгляд на происхождение народов и их языков, выделил германо-славянскую, угро-финскую и тюркскую языковые общности в историческом разрезе и развитии. Большой интерес у Лейбница вызывал вопрос начатков древнерусской государственности, и в частности, притягивала его собственно личность Рюрика. Он предположил место обитания варягов в области Вагрия (Любек – южный берег Балтийского моря, впоследствии, наряду с Новгородом и Гамбургом, известен как один из крупнейших центров Ганзейского союза, от XII в.). Этимологию слова «варяг» он выводил из имени «Вагрия», ну а личность самого Рюрика при этом возводил в круг благородных датских сеньоров. Острый интерес вызывали и *венды* – собирательное имя славян в немецкой культуре. Догадки Лейбница в вопросе этимологии слова «варяг», как и этническое позиционирование Рюрика, отвергаются современными историками, однако, замечу попутно, сами опровергатели наблюдений Лейбница ушли в своих выводах далеко в сторону от той верной тропки, которую наметил им пророк, глубоко в чащу – в дебри ненаучных сентенций, став пленниками собственных схоластических выводов и рабами идеологических убеждений. Смею утверждать, что если кто из

исследователей русского вопроса и был на верном пути, так это прозорливец Лейбниц; увы, однако, для научно выверенных выводов ему недоставало современного исследовательского инструментария, к созданию которого именно он первым и умудрился приложить свою руку, заложив основы сравнительного языкознания, определив германо-славянскую этнокультурную языковую общность, связав этническое с языковым и т.д. и т.п. Низкий поклон великому учёному! Он, несмотря на пропасть веков, оказался ближе всех к истине.

У истоков научного подхода к русской истории (в том современном состоянии, как мы осознаём науку о нашем историческом прошлом сегодня) стоят три замечательных немца: Готлиб Зигфрид Байер, Фёдор Иванович Миллер (Gerhard Friedrich Müller), Август Людвиг Шлёцер – все русские академики, исследователи русских древностей. В рамках научно-исторической мысли их трудами была сформулирована скандинавская концепция образования русской государственности, утверждена идея привнесения норманнами основ цивилизации в варварскую стихию славянских народов. Они сформулировали основные тезисы, подвели под общую идею набор предположений и толкований добытого фактического материала, горячо отстаивали свои выводы и убеждения, однако для цельной теории им не хватило прямых доказательств. Не было самого главного, чтобы выстроилась бесспорная научная база, – этимологии двух слов: «русь» и «варяги». Историческая лингвистика как наука во второй половине XVIII века только-только зарождалась, а стало быть, научное прозрение сих академиков проистекало из интуиции, впитанной с молоком матери и взращённой в любви к своей далёкой родине, к своему чужеземному роду. И эта любовь вольно или невольно переносилась в иное место, иное время и совершенно в другие обстоятельства.

Арист Аристович Куник (Ernst-Eduard Kunick) – ещё один замечательный немец, чей вклад в русскую историческую науку XIX в. переоценить невозможно. Едва ли не весь фактический материал, которым и сегодня оперируют исследователи происхождения Руси, был «нарыт» в средневековых письменных источниках русским академиком Куником. Даже норманнская этимология подводилась под слова «русь» и «варяг». Исследовательская составляющая по сути была завершена. До создания теории оставался не шаг даже, а полшажка...

Как бы там ни было, а вовремя подсуетился некий скромный специалист по германо-финским прибалтийским языкам – Вильгельм Томсен. В мае 1876 года доцент Датского университета читает в Оксфорде курс лекций под общим заглавием «The Relations Between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State» – «Связи между древней Россией и Скандинавией и основание Российского государства». Оксфорд печатывает этот 150-страничный курс лекций – Oxford; London: James Parker and Co, 1877. Томсену прочат славу ведущего специалиста по русскому вопросу – его теория происхождения Руси от неких шведских рыбаков была тут же признана в научных кругах Европы. Откуда есть пошла земля Русская – уже не тайна за семью печатями: русского вопроса отныне не существует. Личность чистокровного норманна – датчанина по духу и по крови – как нельзя лучше соответствует авторству норманнской теории.

Готовится второе издание, немецкое, – уже обработанное и дополненное. Как мы сейчас, в эпоху рекламы и тотального господства торговых сетей, выразились бы – товар продвигается на мировые рынки сбыта. Инициатором немецкого издания выступает доцент истории Геттингенского университета доктор К. Гёльбаум (Hohlbaum), и в тираж 175-страничная монография выходит под научным оком сертифицированных историков – через год... «Der Ursprung der russischen Staates», 1879.

Цель немецкого издания – обратить внимание германской общественности и научных кругов на этот замечательный труд, который, ввиду самоочевидных достоинств, уже встретил заслуженное признание в Англии и Франции, равно как и в Скандинавских странах. Кто б сомневался?! Свидетельством тому является почётный отзыв о ней профессора Маурера (Ienaer Literatur-Zeitung. 1878. С. 256 и след.).

Рекомендуется эта образцовая монография немецким читателям весьма прозрачным напутствием Цицерона: *nihil est in historia pura et illustri brevitae dulcius...* Дескать, нет ничего проще, как создать новую проблему, разрешая старую. (*Nihil est enim in historia pura et illustri brevitae dulcius*, Цицерон, «Брут», 262).

В переводе на русский язык: «Начало русского государства» – монография Томсена издаётся в 1891 году.

Естественно, авторитетнейшие источники готовых знаний впредь ссылаются в замутнённом этимологическом вопросе на Томсена и его капитальный труд – смотри этимологические словари Преображенского, Фасмера и проч. Открываешь словарь – и ничего никому доказывать уже не надо, ибо всё давным-давно доказано и пропечатано в академических словарных статьях. Ткнул пальцем – вот и всё откровение.

Чем ещё стал известен Вильгельм Томсен научному сообществу? Он выдвинул гипотезу о родстве кавказских языков с этрусским. До сего дня ни доказать, ни опровергнуть сенсационную по тем временам догадку не представляется возможным: язык этрусков не расшифрован.

Чем ещё? В 1893 году Томсен спешит, как и в случае с Куником, предупредить (*Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Jénissei, notice préliminaire, 1893*) научную общественность о том, что он дешифровал орхонские и енисейские надписи, открытые российским тюркологом Радловым, Василием Васильевичем (вернее, ежели следовать принципам этногенной детерминанты, то русским учёным немецкого происхождения, чьё имя отродясь было – *Fridrich Wilhelm Radloff*). Наш пострел, так сказать, везде поспел – и ничего в том, что опять подсутился да вовремя снял сливки с чужой темы, тоже вроде бы нет крамольного: нечего, дескать, рот разевать... и делиться надо – таковы уж нравы в научном мире. Великие учёные всегда были щедры и делились знаниями, но в жесточайшей конкуренции за первенство. Естественно, и Томсен щедр – он делится основами «своей» норманнской теории. Как говорится, куй железо, пока горячо. В 1896 году, уже в статусе члена-корреспондента Российской Академии наук (избран был в 1894), Томсен публикует свой труд, принесший ему заслуженную славу в академических кругах и весомое имя в научном мире. (*Inscriptions de l'Orkhon, 1896.*) Его именем названа улица в Анкаре, столице Турции, – Вильгельм Томсен Каддеси.

В 1902 году Вильгельм Томсен избран президентом своей альма-матер, то бишь родного университета, а в 1909 – и президентом Датского Королевского научного общества.

Норманнская теория как достоверная история. Томсен показал себя большим мастером исторического рассказа. Язык Оксфордских лекций и стиль их изложения, без сомнения, является заслугой датского учёного. Перо бойкое. Логика повествования безупречна. Эмоциональные акценты выверены и создают яркий образ у слушателя (или читателя). Текст не перегружен ссылками и цитатами. Силлогизмы подкреплены свидетельствами арабских авторов. Обращение к летописному материалу и толкование древних рукописей добавляют труду фундаментальности. Философические рассуждения о цивилизационной миссии норманнов, то бишь шведских рыбаков, и варварской сущности туземных племён: славянских и финских – пронизаны непоколебимой уверенностью автора в правоте своих суждений. Даже те места, где автор прибегает к сомнительным допущениям и предположениям, свидетельствуют: у автора нет ни малейших сомнений в том, о чём он говорит (пишет).

Ядро теории – исследовательская часть. Как две жемчужины в искусной оправе занимательного исторического рассказа – этимология слов «русь» и «варяг». Таким образом, его норманнская история стоит на трёх китах:

- Шведская этимология слова «русь»,
- Норманнская этимология слова «варяг»,

– Толкование строк Нестора-летописца о вокняжении варягов во главе с Рюриком и двумя его братьями как свидетельство о призвании скандинавов, от имени которых прозвалась земля Русской.

Предоставим слово Вильгельму Томсену, чтобы зазря не голословить.

Зачатие Руси по-скандинавски

Русь по Томсену – как то видится ему:

С. 96: *Имя Ruotsi никоим образом не может быть объяснено исходя из финского языка, равным образом как и Русь – славянского языка. Следовательно, это должно быть иностранное слово, что со всей вероятностью указывает на скандинавское происхождение... Мы можем легко вообразить, что Шведы, которые жили вблизи побережья и регулярно пересекали Балтику с одного берега на другой берег, могли очень рано называть себя – не в качестве национальной принадлежности, но по роду занятий или образу жизни – robs-тепп или robs-karlar или что-то в этом роде, то есть, в соответствии с первоначальным значением слова, «гребцы», «моряки».*

Сноска Томсена: «В Северной Норвегии Rossfalk (Rors или Rods-falk) по-прежнему значит “рыбаки, что промышляют в прибрежных водах во время ловли”. Ед. ч. Ross-kar или -тап...».

Непосредственно в шведском это слово постепенно стало употребляться в качестве имени собственного. Тогда не покажется и нам странным, что финны понимали это имя как титульное имя нации, и заимствовали в этом значении, и таким образом совместили в сложное слово – Ruotsi и Ruotsalainen. Могут последовать возражения... Но если мы предположим, что не Шведы называли себя Robs, или Ruotsi, или Russ, но что финны перенесли на них эту аббревиатуру, то противоречия исчезают. Ибо это вполне естественно для финнов: в сложном слове, где обе составные заимствованы из другого языка, они произносят его лишь первые ударные части... Это только гипотеза, но она представляется мне убедительной и заслуживающей внимания...

...Это имя перешло от финнов к славянам в форме «Русь», где звук UO, знакомый славянам, преобразовался в звук U, точно так же, как SUOMI... в СУМЬ...¹.

Слово «русь» – это языковая ошибка, ну а Россия – недоразумение истории?
Перенесёмся на сотню лет в будущее, в 1982 год, и ознакомимся с выводами коллективного труда ученых ГДР, СССР, Польши, Дании и Восточной Германии:

«Советские лингвисты за последние двадцать лет детально исследовали происхождение этого северного названия... Выводы их едины: название “Русь” возникло в Новгородской земле. Оно зафиксировано здесь богатой топонимией, отсутствующей на юге: Руса, Порусье, Околорусье в южном Приильменье, Руса на Волхове, Русыня на Луге, Руська на Воложке в Приладжье. Эти названия очерчивают первичную территорию “племенного княжения” словен, дословно подтверждая летописное: “прозвася Руская земля, новгородьци”. По содержанию и форме в языковом отношении “Русь” – название, возникшее в зоне интенсивных контактов славян с носителями “иных языцев” как результат славяно-финно-скандинавских языковых взаимодействий, в ходе которых возникла группа первоначально родственных и близких по значению терминов, позднее самостоятельно развивавшихся в разных языках, наиболее полно и многообразно – в древнерусском.

Первичное значение термина, по-видимому, “войско, дружина”, возможна детализация – “команда боевого корабля, гребцы” или “пешее войско, ополчение”. В этом спектре значений летописному “Русь” ближе всего финское ruotsi и древнеисландское robs, руническое rub. Бытовавшие на Балтике у разных народов для обозначения “рати, войска”, на Руси это название уже в IX в. жило самостоятельной жизнью, оторвавшись от прибалтийско-финского, и от близкого от первичного значения скандинавского слова. На ранних этапах образования Древнерусского государства “Русь” стала обозначением раннефеодального восточнославянского “рыцарства”, защищавшего “Русскую землю”, нового, дружинного по формам своей организа-

ции общественного строя, выделившегося из племенной среды. В XI в. “Русин”, полноправный член этого слоя, по “Русской Правде” Ярослава Мудрого, – это “гридин, либо коупчина, либо ябетник, либо мечник”, то есть представитель дружины, купечества, боярско-княжеской администрации. Он был членом выделившейся из племенных структур и поднявшейся над ними социальной организации...

В силу этих закономерностей происходило и перерастание уже в IX–X вв. социального значения в этническое: “Русь” становится самоназванием не только для новгородских словен и киевских полян, “прозвавшихся Русью», но и для варяжских послов “хакана росов”, а затем посланцев Олега и Игоря, гордо заявлявших грекам: “Мы от рода русскаго”...»².

Как следует из коллективного труда учёных мужей, за 100 лет исследований русского вопроса, со времён Томсена, по сути ничего не изменилось. Ну разве что риторика слегка смягчилась. Основные тезисы обросли домыслами и далёкими от науки догадками в стиле народной этимологии. Чтоб потом не возвращаться к вопросу славянской оправы для норманнской этимологии, следует заметить, что топонимы: Руса, Порусье, Русыня и проч. – к этимологии слова «русь» не имеют ни малейшего отношения. Этимология топонимов связана со словом *guch* («рух») – основные значения которого: *течение, поток, порыв, движение, суматоха, волнение, тревога* и тому подобное, что полностью согласуется с именами рек и речушек, которые порываются в своём русле. Смысловое наполнение слова, как бы вскользь упомянутое корифеями: «Первичное значение термина, по-видимому, “войско, дружина”, возможна детализация – “команда боевого корабля, гребцы” или “пешее войско, ополчение”...» – мы находим, например, в польском языке, где «рушение» – это народное ополчение, а «Рух» – это политическое движение. Примеров не счесть, ибо слово обще для германо-балто-славянских языков.

Чередования *x/c*... Нет тут загадки. «Что касается звука [ch], то он явился новообразованием на славянской почве: он развился в праславянском языке из и.-е. звука [s] в том случае, когда [s] находился после... [u] или после тех звуков, которые развились из и.-е. ...[u]»³.

Пример – «рыхлый», где, в соответствии с закономерностями преобразования звуков, из и.-е. *U* получаем др.рус. *Ы*, а из и.-е. *S* праславянское *X* после *Ы* (из *U*).

Таким образом, буква *C* (твёрдый звук [s]) в топониме «Руса» не имеет ничего общего с буквой *C* (мягкий звук [s']) в имени «Русь», как и буква *У* букве *У* – рознь в двух именах «руса» и «русь» (в словах «ухо» и «рука» буква *У*, за которой стоит современный звук [u], так же этимологически восходит к различным звукам), о чём будет сказано ниже и подробно разобрано в свете исторических закономерностей развития русского языка.

А как маститые учёные могли – все разом! – не заметить коренное население (конечно, если 2–3 тыс. лет проживания на этих территориях можно определить понятием «коренного народа»)?! Мол, «в языковом отношении “Русь” – название, возникшее... как результат славяно-финно-скандинавских языковых взаимодействий». Уму непостижимо: выбросить из истории языкового взаимодействия прибалтийских народов – самих балтов!

Во II тыс. до н. э. некая культурно-языковая группа племён разделилась надвое. Одна часть обособилась и по неизвестным нам причинам двинулась в долгий путь – осваивать территории от Десны и среднего Поднепровья до южных и восточных побережий Балтики – по Оке вплоть до Волги. Судя по археологическим данным, этот процесс миграции происходил волнами в течение довольно-таки длительного времени. В результате смешения с туземцами, угро-финскими племенами, образовались народы, которые мы сегодня, с лёгкой руки немецкого лингвиста Нессельмана, с половины века XIX называем «балтами».

Другая часть, оставшаяся после разделения (ухода балтов), составила особую культурно-языковую общность, в языке которой заработал закон открытого слога, причины которого науке на сегодняшний день точно не известны. Все последовавшие за тем языковые изменения и сформировали ту самую культурно-языковую общность, которую мы называем «славянами».

Примерно через 2 тыс. лет после распада балто-славянской общности часть славян двинулась следом – по стопам своих братьев балтов. В результате культурного и языкового смешения с центральной и восточной ветвями балтов образовались восточнославянские племена (славяно-балты или балто-славяне), разумеется, с примесью скифских и иных местных кровей ближе к югу и угро-финских – ближе к северу и востоку. Сегодня мы смешение этих народов, утративших исторические связи со своими корнями, называем русскими людьми, а язык, на котором они говорят, – русским.

Ко времени образования Руси древнее слово, чей возраст измерялся в пару тысяч лет и которое легло в основание имени «русь», было узнаваемо как в общеславянской, так и в родственной балтской языковой среде. Таким образом, задачей учёных мужей, собранных в коллектив исследователей русского вопроса, было отыскать потерянное слово, а не согласовывать противоречия в совместной декларации. Они учёные мужи, а не политики, чтобы выглядеть политкорректными в ущерб науке.

А изначальный посыл: «название “Русь” возникло в Новгородской земле»?! Более чем сомнительный тезис. Когда был построен Новгород и когда сложилось имя «Русь»? – это тот ещё вопрос! Я бы поменял местами: Новгород возник на земле Русской, из Руси вырос, о чём обмолвимся ниже.

Как такое могло случиться, чтобы корифеи запутались или усомнились в вопросах, за незнание которых они сами ставят «неуд» своим же студентам-третьекурсникам на экзамене по истории родного языка. Завороженные – иного объяснения подобрать не могу.

Как-то случайно, бродя по дебрям интернета, я наткнулся на утверждение, будто современные археологические данные подтвердили скандинавскую этимологию слова «русь». Подумалось: неужели таки откопали в земле какой-нибудь артефакт с надписью? Будучи несказанно удивлённым, я спросил адепта норманнской теории: «Что вы имели в виду, говоря, что археологические данные подтвердили этимологию слова "русь"... Ходить в викинги – ходить в русь...».

И получил ответ в виде репоста – Владимир Петрухин, профессор кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков факультета архивного дела историко-архивного института РГГУ:

«Ну, можно посмотреть в «Русский этимологический словарь» Макса Фасмера, замечательного немца, которым до сих пор мы пользуемся, его словарем, как настольной книгой – там эта этимология приведена. Сейчас уточнили, опять-таки, благодаря последним изысканиям археологов, эту этимологию – слово «Русь» означает участников дружины, которая идет в поход на гребных судах. Т.е. это слово на Востоке было равнозначно тому слову, которым обозначали участников похода скандинавы на Западе. Но на Западе они ходили в викинг, в поход на длинных морских кораблях, под парусами. Но вот здесь на Востоке эти длинные корабли не подходили, они не в состоянии были пройти по рекам. Здесь нужны были гребцы. Поэтому в скандинавских рунических надписях, правда, довольно поздних, XI века, и говорится о том, что на Восток ходили не в викинг, а в Русь. Так звучит, почти так это слово и звучит по-скандинавски. Так до сих пор шведов и называют те самые потомки далекие чуди, которая участвовала в призвании варягов – и в эстонском, и в шведском языке современном Швеция называется «Рутси», т.е. тем же словом, что и Русь. Вот, запомнили, прибалтийские финны о том, что оттуда, с запада, из-за моря приходят эти люди, которые называются Русью. Они передали это имя славянам, и с тех пор это имя и стало обозначать ту княжескую дружину, которую взяли с собой первые князья, которая пошла по этим рекам Восточной Европы, договорившись со славянами о том, что они не будут препятствовать прохождению их флотилий, наоборот, будут способствовать за определенную плату этому самому прохождению»⁴.

Изыскания норманнистов XIX в. легли в основу этимологической статьи в словарь, а норманнисты XX в. ссылаются на словарь XX в. как на доказательство – это же короткое замыка-

ние! На наших глазах теория Томсена превратилась в аксиому, не требующую доказательств, и обрывает всё новыми и новыми подробностями – художественными по сути своей. Да и зачем доказывать, ежели всё давным-давно доказано?! Надо просто верить...

Под гипноз сказки попадают даже забронзовевших кумиров низвергатели, не принимающие на веру рукотворные мифы. Олесь Бузина: «Варяги... дали и имя – русичи, русины, русские... По происхождению варяги были шведами. Свои дружины, промышлявшие на восточнославянских реках, они называли “роте” – “гребцы”... Местные жители, по привычке всех туземцев коверкать иностранные слова, преобразили “роте” в “Русь”, и, признав власть варягов, стали называть себя этим именем...»⁵.

Коротко говоря, теория Томсена живет всех иных и процветает в первозданном виде, заволаживая любой академический ум до умопомрачения. Не теория, а мантра – орудие осуществления психического воздействия, акт заклинания.

Научная составляющая норманнской теории. Аргументы можно парировать аргументами, факту – факт противопоставить, догадку – высмеять и отвергнуть, мысль – обернуть бессмыслицей, а чувство – оскорбить. Наконец, можно бросить предмет и перейти на личности, хулу возведя... Но всякий учёный муж точно знает: критика без позитивной программы – безнравственна. Поскольку теориям противопоставляются теории, а ещё лучше цельные учения, постольку критикам норманнской теории нечего положить в противовес. Нет никакой другой теории – есть догадки вразнобой да праведные чувства.

Но что же такого научного содержит норманнская теория, что ей столетиями следуют корифеи как слепые старцы за проводником?

Да вот это вот самое: $UO > U$ – одна из закономерностей, лингвистическая. Тут не поспоришь.

Выдающийся русский лингвист, основоположник исторического изучения русского языка, А. А. Шахматов перефразировал Томсена, тем самым подтверждая его правоту:

«Форма Русь... так относится к Ruotsi, как древнерусское Сумь... к финскому Suomi. Мне кажется, что элементарные методологические соображения не позволяют отделить современное финское Ruotsi от имени Русь»⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.